

契诃夫小说选

下

Человек и шутки

Вот и кончилась жизнь Ивана Ивановича. Он был человек не простой. В детстве он был очень умным, но потом стал глупым. Он был очень добрым, но потом стал злым. Он был очень красивым, но потом стал некрасивым. Он был очень талантливым, но потом стал глупым. Он был очень трудолюбивым, но потом стал ленивым. Он был очень честным, но потом стал лживым. Он был очень скромным, но потом стал тщеславным. Он был очень простым, но потом стал сложным. Он был очень добрым, но потом стал злым. Он был очень красивым, но потом стал некрасивым. Он был очень талантливым, но потом стал глупым. Он был очень трудолюбивым, но потом стал ленивым. Он был очень честным, но потом стал лживым. Он был очень скромным, но потом стал тщеславным. Он был очень простым, но потом стал сложным.

Не спали. Иван Иванович, высокий худощавый старик с длинными усами, сидел снаружи у входа и курил трубку; его освещала луна. Буркин лежал внутри на сене, и его не было видно в потемках.

Рассказывали разные истории. Между прочим говорили о том, что жена старосты, Мавра, женщина здоровая и не глухая, всю свою жизнь нигде не была дальше своего родного села,

契诃夫小说选

下

汝 龙 译

人民文学出版社

一九九五年·北京

никогда не видела ни города, ни железной дороги, а в последние десять лет все сидела за печью и только по ночам выходила на улицу.

— Что же тут удивительного! — сказал Буркин. — Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете немало. Быть может, тут явление атавизма, возвращение к тому времени, когда предок человека не был еще общественным животным и жил одиноко в своей берлоге, а может быть, это просто одна из разновидностей человеческого характера, — кто знает? И не естественно, и не мое дело касаться подобных вопросов; я только хочу сказать, что такие люди, как Авра, явление не редкое. Да вот, недалеко искать, месля назад умер у нас в городе некий Беликов, учитель греческого языка, мой товарищ. Вы о нем слышали, конечно. Он отличался тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, ходил в казонах и с зонтиком и непременно в теплом пальто. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из кожи, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой. Когда садился на поездчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге, и, быть может для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отращение к настоящему, он всегда хвалил прошлое и то, чего никогда не было; и древние языки, которые он преподавал, были для него в сущности те же казони и зонтик, куда он прятался от действительной жизни.

— О, как звучен, как прекрасен греческий язык! — говорил он со сладким выражением; и, как бы в доказательство своих слов, прищуривал глаза и, подняв палец, произносил: — Антропос!

¹ Человек (греч.).

ISBN 7-02-002199-9

180

9 787020 021994 >

ISBN 7-02-002199-9/I • 1746

定价 34.40 元